

МЕТРИКА ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В статье рассматриваются принципы организации пространства человеческого мира, утверждается, что исходным началом этого пространства является не место, а направление, что архитектоника этого пространства организуется различием, мерой которого является граница (предел).

Ключевые слова: социальное пространство, культурное пространство, граница, различие, трансгрессия, Дантовы координаты.

Метрика пространства указывает на его строение, на его архитектонику = начало (архэ!) его строения (выстраивания). В геометрии этим началом и одновременно метрикой выступают известные понятия Эвклида: точка, линия, плоскость, объем. А что может стать началом отсчета и метрикой для пространства человеческого мира?

Если мир человека есть мир существования и проявления смысла, то и его метрика должна выражать характеристики смысла. Правда, в этом случае мы вступаем в противоречие с классическим представлением о пространстве, нашедшем свое выражение в философии Декарта и Канта. И для Декарта, и для Канта пространство есть там, где есть представление о *телах*, где появляется внешнее созерцание. Для первого – это характеристика протяженной вещи, существующей вне мыслящей субстанции, а для второго – это «форма всех явлений внешних чувств», данных в созерцании. То есть пространственными характеристиками (а это длина, ширина и глубина) не обладают явления сознания, идеальные образования, к которым должен быть отнесен смысл. Однако, поскольку смысл существует как эффект отсылания от данной здесь вещи к иному [1, с. 10–13], как событие на пересечении серий сингулярностей (Ж. Делез), то смысл получает отношение к пространству тел, хотя сам телом не является, а *заявляется* = *за явлением* открывается. В физическом пространстве, данном формой созерцания, предстает значащий предмет (то, что обычно называют «означающим»), а смысл (или значение) существует в ином пространстве, в том пространстве, в котором он реализуется, свершается. Это пространство человеческого действия, которое существует как отсылание, как соотношение вещей и состояний. Поэтому, если пространство тел исходно есть *место*, то есть *точка*, *положение* тела (это, как известно, отмечает Аристотель, а затем и Эвклид), то пространство осмысленного человеческого действия исходно не *положение*, а *направление*. Это вытекает из самого способа бытия смысла, который бытийствует через отнесение, благодаря держанию одновременно двух ситуаций вместе. Направление изначально (имплицитно) предполагает различие, так как есть данная, начальная позиция и та, к которой направлено действие и которая сопряжена с исходной точкой.

Таким образом, можно утверждать, что основой архитектоники пространства человеческого бытия выступает различие позиций. Это пространство всегда соотносит

* © Конев В.А., 2011

Конев Владимир Александрович (vakonev37@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

нечто как различное, и, следовательно, оно должно предъявлять меру различного, способ его распознавания. Такой мерой выступает *граница*, в пределах которой все в жизни человека получает свое *определение*. Граница вносит в мир человеческого бытия первое и самое основное культурное различие — различие значимого и незначимого, тем самым превращая это бытие в значимое бытие.

Если первый голос бытия был голосом *истины* = бытие *есть*, то граница дает бытию многоголосие, бытие разделяется, и теперь разное бытие имеет собственный голос, голос имени, голос своего определения (у Платона бытие имеет вид, т. е. есть идея). Причем, поскольку исходная мера этого пространства — граница как разделение, то вся архитектоника пространства человеческого мира выстраивается как мир различАния [см.: 2, 3], мир дифференЦ/Сиации [см.: 4, с. 257], и пространство бытия человека выступает пространством определения различия.

Отсюда следует первая существенная характеристика этого пространства — оно обладает особой гравитационной силой, силой интенсивности (динамичности, энергии). Это пространство изначально активировано, т. е. требует от любой «точки» (беру слово «точка» в кавычки, т. к. не знаю, как назвать сингулярный момент пространства человеческого бытия — объявляю конкурс на термин!), попадающей в его архитектонику активности, проявления своего направления, т. е. объявления своего смысла.

Вторая сущностная характеристика архитектоники пространства бытия человека — иерархичность. Направление не только определяется динамизмом, но и выстраивает отношения соподчинения, появляется не просто различие, дифференциация «точек» пространства, а выделяются привилегированные «точки». Обратим внимание на то, что иерархичность встроена в направление, ибо направленность определяется тем, куда она устремлена, нет равноправия (или тождественности) между исходной «точкой» и «точкой» устремления. Иерархичность порождает *смысловые позиции* в пространстве человеческого бытия.

Таким образом, мера (единое начало) пространства бытия человека (замечу в скобках, что Аристотель правильно указывал — «мера — это не множество мер, и мера и единое — начало. И мера всегда должна быть присуща как нечто одно и то же всем предметам одного вида» [Мтф. 1088а 5-10]) есть граница как энергия различАния, или граница как энергия утверждения различия. Здесь важно указание на энергию, интенсивность этого пространства, т. к. простой периметр чего-то (например, внешний обвод формы протяжения) не есть граница до тех пор, пока находящееся в пределах периметра не устремляется за свои пределы и не сталкивается с другими телами. В этом смысле воля Шопенгауэра или Ницше будет знать границы, вообще жизнь, которая вносит в пространство различие, знает границы — для живого появляется среда обитания, благоприятная или неблагоприятная, т. е. имеющая значимость. Поэтому у пространства бытия человека есть генеалогия, а потому можно выделить некие формы его проявления — особые феномены, заявляющие о его метрике.

Исторически и логически первым феноменом пространства бытия человека выступает различие сакрального и профанного, в котором осмысливается ценностная нагруженность проявлений мира человека [см.: 5]. Обрядовая организация перехода от обыденного (NB: сам термин «profanum» = *перед* храмом, перед священным — несет в себе аллюзию границы) к священному является *социальным прочерчиванием* (строительством, обустройством и т. п.) границы сакрального и профанного. Эта граница указывает не только на смысл самого смысла, значения самой значимости (это NB! Здесь ситуация Мюнхгаузена, вытягивающего себя из болота вместе с лошадью за свои же волосы!), но сразу же и на иерархию.

Другим столь же архаичным феноменом данного пространства выступает различие внутреннего и внешнего, получившего реализацию в различении души и тела.

И проведением границы здесь является, по-моему, установление (приобретение) собственного имени, которое становится, в конечном счете, средством отделения души от ее тела, этой души от другой. Утверждение и культурная история собственного имени могут быть рассмотрены как различные способы *социального прочерчивания* (строительства, обустройства) границы внутреннего и внешнего. Здесь встает богатая культурная история дома, различие «свой – чужой», обряды порога, здесь же государство и его границы – таможня и проч. и проч.

Различение внутреннего и внешнего по мере культурного развития из различия душа-тело превращается в различие индивидуальное-социальное. В этом случае граница внутреннего и внешнего предстает как граница свободы. Индивидуальное – это бытие самодостаточное, бытие само себя утверждающее, что и является сутью свободы. Поскольку в бытии индивидуального с наибольшей интенсивностью выражается смысл значимого бытия, то в характеристиках пространственного бытия индивидуального должна также с наибольшей очевидностью выявляться метрика пространства человеческого мира.

И это так.

Пространство – форма определения отношения сущего и сущего. Определение вещи как тела протяженного нашло свое выражение, как известно, в модели Декартовых координат, которые задают метрику пространства и архитектуру вещей. Точка, презентующая любое сущее в пространстве Декартовых координат, получает свое определение (определение своего положения, траектории своего движения) через отождествление со значениями координат. Декартово пространство – это пространство отождествления. И, как известно, на этом держится вся наука, которая определяет неизвестное через известное. П. Сорокин говорит о социальных координатах, которые определяют социальное лицо человека и траекторию его социального движения [см.: 6]. Принцип действия в пространстве социальных координат Сорокина тот же, что и в пространстве Декартовых координат: человек отождествляется с группой («скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты»). Здесь нет свободы, кроме свободы перемещения в границах координат. Индивидуальность не может существовать в поле Декартовых или сорокинских координат просто потому, что это бытие, *отличное* от всякого другого или от всего другого. Ее способ отношения с другим бытием – отличие, отталкивание, различение себя как себя. Поэтому ее пространство существования, а вместе с тем и собственного определения, это пространство Дантовых координат, пространство отрицания. Это пространство *порождает* и *порождает* (в этом его интенсивность) принципом «Не это, не это, не это, а Вот Это» (NB: в Декартовом пространстве: «Если это, это и это, то это А»). И здесь важно «*Вот* Это», т. е. нечто конкретное, имеющее собственное лицо. Я рассматривал уже в своих работах способы действия в пространстве Дантовых координат, которые являются некоторыми шагами (логикой) самоутверждения индивидуального бытия [см.: 7].

Сейчас хотел бы в связи с понятием «Дантовы координаты» вспомнить одно из знаковых понятий современной философии, характеризующих современное человеческое бытие, понятие «трансгрессия», введенное некогда Жоржем Батаем. Трансгрессия – преодоление пределов. Как и в чем реализуется трансгрессия? В поступке – да, но это не поступок. В слове – да, но это не слово. В мышлении – да, но это не мысль. М. Фуко пишет: «Трансгрессия – это жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает отблеск ее происхождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток» [8, с. 117]. А Морис Бланшо, характеризуя трансгрессию, замечает, что это «страсть негативной мысли» [8, с. 68], «преодоление непреодолимого предела», «опыт-предел как опыт пустоты», опыт-предел, который «высвобождает из смысла совокупность человеческих воз-

можностей» [8, с. 72]. И дальше: «Человек достигает удовлетворения, решившись на непрестанную неудовлетворенность: он доходит до собственного совершенства, поскольку идет до края самоотрицания. И не следует ли здесь сказать, что он касается абсолюта, поскольку имеет власть и силу всецело осуществлять, т. е. *преобразовывать в действие* свою негативность» [8, с. 68]. Вот она, граница свободы (граница индивидуального бытия), или, точнее, свобода как граница, как пространственный феномен. Это трансгрессия!

И Фуко указывает на самую суть метрики пространства человеческого бытия, которая заключается в том, что рождение этой метрики есть одновременно и рождение самого пространства: «Предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия: не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить; с другой стороны, тщетной будет всякая трансгрессия иллюзорного и призрачного предела» [8, с. 117]. То есть предел есть там, где совершается трансгрессия, и трансгрессия есть только там, где обнаруживается предел, сама граница возникает тогда, когда возникает разграничение.

А завершить я хотел бы стихотворением Б. Пастернака «Определение души» из цикла стихов «Заняты философией», которое постоянно будоражит ум своей загадочностью. Вот оно:

Спелой грушею в бурю слететь
Об одном безраздельном листе.
Как он предан — расстался с суком!
Сумасброд — задохнется в сухом!

Спелой грушею, ветра косей.
Как он предан, — «Меня не затреплет!»
Оглянись: отгремела в красе,
Отпылала, осыпалась — в пепле.

Нашу родину буря сожгла.
Узнаешь ли гнездо свое, птенчик?
О мой лист, ты пугливей щегла!
Что ты бьешься, о шелк мой застенчивый?

О не бойся, приросшая песнь!
И куда порываться еще нам?
Ах, наречье смертельное «здесь» —
Невдомек содроганью сращенному.

Вот это — «...наречье смертельное “здесь”» — что значит? Где «здесь» и почему оно «смертельное» для песни, для души? Не в нем ли тайна души? Душа срывается с места, когда ее захватывает порыв. Порыв желаний, страстей, стремления к тому, что станет ее песней, ее смыслом. И эта песня, этот ее смысл будет вырван из места, из «здесь», в котором они были укоренены, с которого душа сорвалась, от которого она бежит и которое перестает для нее быть местом ее жизни. «Здесь» — то есть всегда в одном и том же месте — смертельно для души. Ее жизнь — вечное стремление. «Душа обязана трудиться», — скажет другой поэт. И хотя хотелось бы никуда не порываться, но мы живем в таком пространстве, где «содрогание сращенное», «приросшая песнь» не знают смертельного «здесь», они постоянно влекут душу, уносят ее в иное.

Не знаю, прав ли я в толковании стихотворения Б. Пастернака, но, во всяком случае, оно наталкивает на мысль о том, что *определение* души (выявление, обнаруже-

ние человеком своих *пределов!*) организуется энергийным разрывом души со смертельным для нее «здесь».

Библиографический список

1. Конев В.А. Онтологические особенности мира человека. Самара: Издательство «Самарский университет», 2003.
2. Деррида Ж. Различие // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.
3. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Миньковской, Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998.
5. Конев В.А. Априорность и автохтонные идеи культуры // Кантовский сборник. 2009. № 2 (30).
6. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
7. Конев В.А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) / Конев В. Онтология культуры (Избранные работы). Самара: Издательство «Самарский университет», 1998.
8. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994.

*V.A. Konev**

THE METRICS OF SPACE OF HUMAN BEING

Principles of organization of space of human world are considered. It is argued that the original start of this space is not the place but the direction, that the architectonics of this space is organized by the difference, the measure of which is the boundary (limit).

Key words: social space, cultural space, boundary, difference, transgression, Dante's coordinates.

* *Konev Vladimir Alexandrovich* (vakonev37@mail.ru), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.